

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Сергей Сергеевич Жильцов, д.-р. полит. наук, проф.

E-mail: sergej-z71@yandex.ru

Московский университет им. С. Ю. Витте

Российский университет дружбы народов

http://www.muiiv.ru, http://www.rudn.ru

Игорь Сергеевич Зонн, д.-р. геогр. наук, академик РАН, проф., директор

E-mail: igorzonn@yandex.ru

Московский университет им. С.Ю. Витте

ИНПЦ «Союзводпроект»

http://www.muiiv.ru, http://www.rusprofile.ru

Повышенное внимание к углеводородным ресурсам Каспийского региона Китай стал проявлять еще до распада СССР. В тот период интерес ограничивался научным изучением углеводородного потенциала прикаспийских государств. После распада СССР энергетическая политика Китая последовательно прошла несколько этапов: от получения доступа к месторождениям нефти и газа в странах региона до строительства экспортных трубопроводов, посредством которых Пекин осуществляет поставки углеводородных ресурсов. Политика Китая в Каспийском регионе привела к значительным изменениям в международных отношениях. Прикаспийские страны значительно расширили сотрудничество с Китаем в сфере энергетики, осуществив с помощью китайских инвестиций разработку месторождений нефти и газа, а также реализовав трубопроводные проекты, которые обеспечили их углеводородным ресурсам выход на внешние рынки.

Ключевые слова: Китай, трубопроводы, углеводородные ресурсы, энергетическая политика

1. Введение

В первой половине 1990-х годов Китай проявлял повышенный интерес к Каспийскому региону. Этому способствовали экономическая и политическая слабость прикаспийских стран, которые выступали в качестве объекта торгово-экономической экспансии Китая. Затем политика Китая в отношении Каспийского региона претерпела изменения, что было вызвано усиливающимся соперничеством за углеводородные ресурсы Каспийского региона и путями их доставки на внешние рынки. Причины повышенного влияния к углеводородным ресурсам прикаспийских стран и Центральной Азии определялись потребностями китайской экономики, которая с начала 1990-х годов демонстрировала бурный рост.

Пекин сосредоточил усилия на дальнейшем развитии экономических отношений, которые стали подкрепляться геополитическими расчетами.

Китай был заинтересован в том, чтобы страны региона не попали под влияние или контроль государств, которые могли проводить по отношению к нему недружественную политику. Предотвращение формирования в Центральной Азии каких-либо политических и тем более военных союзов или организаций, направленных против Китая, стало одной из приоритетных задач китайской политики. Кроме этого Китай был вынужден учитывать появление американских военных баз в Центральной Азии, что изменило геополитическую ситуацию в регионе. В Пекине существовали опасения, что в случае обострения китайско-американских отношений страны Центральной Азии могли превратиться в плацдарм для нанесения ударов по Китаю. С учетом возрастающей роли углеводородных ресурсов для китайской экономики перед Пекином стояла задача обеспечить к ним гарантированный доступ. Китай видел в странах Центральной Азии энергетических доноров для своей экономики. Первостепенное внимание Китая было обращено к Казахстану и Туркменистану, которые рассматривались в качестве основных

С.С. Жильцов

И.С. Зонн

поставщиков для существующих и планируемых трубопроводов [1].

2 Роль нефтепроводов в политике Китая

Первым кандидатом на роль поставщика углеводородных ресурсов в Китай стал Казахстан, который с середины 90-х годов прошлого века практически начал распродажу своих углеводородных ресурсов по низким ценам [2]. Интенсивное вторжение в экономику Казахстана было связано, прежде всего, с активным проникновением капитала китайских компаний в нефтегазовый сектор этой страны [3].

Каспийская зона (особенно Казахстан) стала относительно близким по суше к Китаю крупным нефтеносным регионом. Он стал выступать в качестве важного звена в новой энергетической стратегии Пекина – гарантированным источником поставок больших объемов нефти по стабильным ценам [4]. В результате, наличие у Казахстана значительных запасов углеводородных ресурсов стало фактором, который инициировал разработку проектов нефтепроводов, по которым нефть и газ могли транспортироваться в китайском направлении. Предыстория строительства *нефтепровода из Казахстана в Китай* берет свое начало с 1996 года, когда был объявлен тендер на продажу государственного пакета акций АО «Узеньмунайгаз» в размере 60 % от уставного фонда. В тендере участвовала «Амоко» (США), Petronas Charigali (Малайзия) совместно с Unocal (США) и Китайская национальная нефтяная компания (КННК). В июне 1997 года победителем первого тендера по «Актобемунайгазу» была объявлена КННК. В августе того же года Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа, являющаяся «дочкой» КННК, была объявлена победителем второго тендера – компания получила 55 % акций «Узеньмунайгаза». На обустройство и эксплуатацию месторождений, которыми владели приобретенные компании, Китай на протяжении 20 лет должен был выделить 4 млрд долл. В итоге китайская сторона приобрела контрольные пакеты двух предприятий, отвечающих за добычу и транспортировку нефти, – «Актобемунайгаза» и «Узеньмунайгаза».

Китай планировал построить нефтепровод к 2004 году, когда Казахстану, по различным прогнозам, могли потребоваться дополнительные маршруты для экспорта нефти. Однако низкие цены на углеводородные ресурсы привели к тому, что Китай был вынужден отложить реализацию данного проекта.

В сентябре 1997 года в Казахстан состоялся официальный визит премьер-министра Государственного совета КНР Ли Пэна, в ходе которого вновь обсуждались дальнейшие планы поставок нефти в Китай. Было подписано два межправительственных соглашения «О сотрудничестве в области нефти и газа» и «**О прокладке двух нефтепроводов – из Западного Казахстана в Западный Китай и Иран**». Китайская сторона обязалась осуществить разработку и строительство нефтепровода Западный Казахстан – Западный Китай протяженностью 3000 км и инвестировать 3 млрд долл. Речь шла о транспортировке нефти с двух крупнейших месторождений – Узень и Актобе (Актюбинск). Тем самым Казахстан с помощью Китая сделал первый шаг в реализации политики, направленной на расширение географии маршрутов доставки нефти на внешние рынки.

Контракт предполагал, что китайские инвестиции в нефтегазовую отрасль Казахстана в сумме составят 11 млрд долл. и пойдут на разработку нефтяных месторождений и строительство нефтепроводов в Западный Китай и Иран. Приоритет был отдан китайской компании либо по экономическим причинам (суммарные затраты КННК по двум тендерам составили почти 500 млн долл.), либо по политическим – обещание стратегического партнера, подкрепленные проектами строительства нефтепровода [5]. Согласно технико-экономическому обоснованию (ТЭО) проекта нефтепровода из Казахстана в Китай, объем транспортируемой по нему нефти должен был быть не ниже 20 млн т в год [6].

Реализации подписанных документов о сотрудничестве в области нефти и газа и строительству нефтепровода из Казахстана в Китай помешал ряд обстоятельств.

Сложные внутривластные процессы в Казахстане и падение цен на нефть охладили интерес Китая к строительству нефтепровода, который в тот период времени был экономически невыгодным.

Наряду с объективными экономическими трудностями, которые тормозили строительство нефтепровода, свое влияние оказывали политические факторы. Расширение в конце 1990-х годов сотрудничества Казахстана с США усилило критику подписанных казахстанско-китайских соглашений. В Казахстане стали расценивать подписанные документы как ошибочные и не отвечающие интересам страны. Были сделаны заявления, что строительство нефтепровода в Китай не является делом выгодным до тех пор, пока цены на нефть остаются низкими.

Многочисленные консультации и переговоры между Казахстаном и Китаем относительно строительства нефтепровода завершились в июле 2000 года. Во время встречи казахстанского президента Н. Назарбаева и председателя Госсовета КНР Ху Цзиньтао была подтверждена готовность оказать политическую поддержку реализации нефтепровода Западный Казахстан – Западный Китай. Впрочем, и эта договоренность не сдвинула проект с мертвой точки, показав безрезультатность политических переговоров, которые на протяжении нескольких лет велись между двумя странами относительно нефтепровода.

Причины неутешительных итогов трехлетних (1998–2001) переговоров Китая и Казахстана заключались в том, что не просматривались варианты загрузки сырьем нефтепровода. Китайская компания, работающая в Казахстане, добывала около 5 млн т нефти в год. Чтобы проект стал рентабельным, по нему необходимо прокачивать как минимум 20 млн т, что возможно только при подключении к трубе других производителей нефти, чего пока не было. В 2001 году вступили в строй нефтепровод Каспийского трубопроводного консорциума (КТК). В стадии практической реализации находился проект реконструкции нефтепровода *Атырау – Самара (Россия)*, предусматривающий увеличение прокачиваемой по нему нефти. Для КННК это означало, что в среднесрочной перспективе свободных объемов нефти для поставок в Китай по трубопроводу в Казахстане не будет. Надежды можно было возлагать только на разработку шельфа Каспия, но и здесь было одно «но». Во-первых, большая часть нефтедобывающих компаний, в том числе и тех, кто «застолбил» себе место на шельфе Каспийского моря, являлись частными и при ведении переговоров с ними первостепенное значение имели экономические, а не геополитические интересы. Во-вторых, возможности строительства нефтепровода ограничивали такие отрицательные факторы как: сверхдальность, отсутствие инфраструктуры, горный рельеф, наличие сейсмоопасных зон, резкие климатические колебания, низкое качество казахстанской нефти и необходимость ее подогрева и т. д., что неизбежно влекло удорожание строительства. Согласно принятому ТЭО, только на территории Казахстана нефтепровод имел 22 пересечения с речными преградами и значительное количество пересечений с автомобильными и железными дорогами. Не меньшее значение имело и то, что предполагаемый транзитный тариф брался из расчета 9,5 долл. за баррель, что само по себе делало проект убыточным. В-третьих, нефтепровод планировался как дополнение к развитию инфраструктуры Таримского бассейна района Синьцзянь Уйгурский автономный район (СУАР), которому давалось высокая оценка запасов нефти. Однако последние данные показали, что доступных нефтяных запасов коммерческого масштаба в Синьцзяне нет. Наконец, нельзя было не принимать во внимание сложную социально-политическую обстановку как в Центральной Азии вообще, так и в Синьцзяне в частности. Столь дорогостоящий проект требовал безусловных гарантий безопасности, а дать таковые на тот период времени не мог ни один здравомыслящий аналитик [7].

Все вышесказанное лишь подтверждало тот факт, что большинство трубопроводных проектов, разрабатываемых для поставок углеводородных ресурсов Каспийского региона, имели значительное количество объективно существующих

трудностей, не были подкреплены реально располагаемыми объемами нефти и газа и имели политическую окраску.

Тем не менее во время визита в Пекин в декабре 2002 года Н. Назарбаев вновь заявил, что главными пунктами сотрудничества между Казахстаном и Китаем являются энергетика, нефть и газ, а также строительство нефтепровода и газопровода из Казахстана в Западный Китай. Эту линию на сотрудничество в энергетической сфере закрепил Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РК, подписанный во время визита.

Несмотря на различные трудности, в начале 2000-х годов Китаю удалось перевести в практическую плоскость проекты по строительству трубопровода из страны в Китай. В октябре 2003 года Китай и Казахстан вновь вернулись к идее строительства супернефтепровода Западный Казахстан – Западный Китай. Было принято решение начать его строительство в середине 2004 года, чтобы обеспечить поставки в Китай 20 млн т нефти, а в перспективе увеличить их до 50 млн т. В результате в мае 2004 года было подписано соглашение о строительстве нефтепровода *Атасу (Карагандинская область) – Алашанькоу (Китай)* и создана совместная компания «Казахстанско-китайский трубопровод», учредителями которой стали АО «Казтрансойл» и Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа с долей по 50 %. Подписанное межправительственное рамочное соглашение о развитии всестороннего сотрудничества в области нефти и газа закрепило дальнейшее взаимодействие сторон в проектах по разведке, добыче, переработке и транспортировке углеводородных ресурсов.

Первоначально данный проект предполагалось реализовать в два этапа. На первом этапе планировалось строительство *нефтепровода Атасу – Алашанькоу* мощностью 10 млн т нефти в год с дальнейшим расширением до 20 млн т. На втором этапе стороны намеревались осуществить строительство *нефтепровода Кенкияк – Кумколь – Атасу* мощностью 20 млн т в год с увеличением до 50 млн т нефти в год.

Китай ускорил реализацию трубопроводного проекта, что отчасти отражало его стремление побыстрее усилить свое влияние в Центральной Азии и Каспийском регионе, и прежде всего в нефтегазовой отрасли, чтобы не допустить усиления роли западных нефтегазовых компаний. В Пекине считали, что сумеют в перспективе извлечь выгоду от своей посреднической роли в процессе включения в мировой оборот огромных природных ресурсов Казахстана [8].

В результате строительство *нефтепровода Атасу – Алашанькоу* (крупнейший нефтяной перевалочный пункт КНР), начатое в сентябре 2004 года было завершено к декабрю 2005 года. В его строительство было инвестировано 800 млн. долл. [9]. Протяженность трубопровода составила 965 км, диаметр трубы 810 мм, мощность 10 млн т в год. Он был связан с Кумкольской группой месторождений нефти.

Это был первый казахстанский нефтепровод, который не проходил по территории России. В эксплуатацию нефтепровод был сдан в июле 2006 года.

Нефтепровод Атасу – Алашанькоу стал второй частью межгосударственного нефтетранспортного проекта «Казахстан – Китай», идея которого обсуждалась еще в 1997 году. Ранее, весной 2003 года на западе Казахстана был введен в строй трубопровод *Кенкияк – Атырау* с пропускной способностью первой очереди 6 млн т в год, который стал первым совместным казахстанско-китайским проектом в области строительства нефтепроводов. Его протяженность составила 448 км, диаметр трубы 610 мм при пропускной способности 6 млн т нефти в год с возможностью увеличения до 12 млн т.

Нефтепровод был предназначен для транспортировки нефти, добываемой на месторождениях Кенкияк, Жанажол, Алибекмола, Кожасай и других (Актюбинский регион), до Атырау с целью дальнейшего экспорта на мировые рынки по нефтепроводам КТК и Атырау – Самара. При реверсной эксплуатации нефтепровод должен был стать первой частью глобального нефтепровода Западный Казахстан – Западный Китай, меморандум о строительстве которого был подписан в 1997 году. С момента запуска

нефтепровода Атасу – Алашанькоу в 2006 году до конца 2012 года по нему было транспортировано 52,1 млн. т (в 2012 году – 10,4 млн. т) [10]. В 2013 году экспорт нефти из Казахстана в Китай по трубопроводу составил 11,85 млн. т.

Со второй половины первого десятилетия XXI века отмечаются изменения в энергетической политике Китая. Во-первых, на качественно новый уровень выход отношения Китая с Казахстаном, которые приобретают характер стратегического партнерства. Во-вторых, Казахстан закрепляется в качестве сырьевого придатка китайской экономики. В-третьих, Китай активно подключается к «нефтегазовой игре», ведущейся между геополитическими игроками на просторах Центральной Азии. В четвертых, Китай активно кредитует экономики стран Центральной Азии и приступает к реализации китайскими компаниями крупных проектов в нефтегазовой отрасли и в инфраструктурной сфере [11].

В декабре 2007 года началось строительство третьей, последней части проекта «Казахстан – Китай» – *нефтепровода Кенкияк – Кумколь*, который должен был обеспечить выход западноказахстанской нефти к границе с Китаем. Пропускная способность на начальном этапе должна была составить 10 млн т с расширением до 20 млн т нефти в год [12]. Проект оценивался в 1 млрд долл. В июле 2009 года строительство этого нефтепровода протяженностью 793 км было завершено.

В итоге *нефтепровод Западный Казахстан – Западный Китай* был построен, что позволяло говорить о создании Китаем нового экспортного маршрута, по которому казахстанская нефть могла, минуя российскую территорию, выходить на внешний рынок. В тоже время, для полной загрузки нефтепровода Китай нуждался в шельфовой нефти, доступ к которой Пекину еще только предстояло получить [13].

К преимуществам Китая от нового маршрута транспортировки казахстанской нефти можно отнести: выгодное соотношение затрат на транспортировку и объема продаж на рынках потребителей нефти, возможность прямых поставок потребителю, протяженность маршрута, от которого зависит величина и время получения доходов, отсутствие экономических и политических препятствий при транзите через третью страну.

3 Газовые ресурсы в политике Китая

Наряду с созданием новых нефтепроводов, с начала 90-х годов Китай изучал возможности строительства новых газопроводов. Развитие системы новых газопроводов в направлении Китая было связано с углеводородными ресурсами прикаспийских государств – Казахстана и Туркменистана.

Обсуждение вопроса об организации поставок туркменского газа в Китай началось в 1996 году. Хотя еще в 1992 году разрабатывался проект *супергазопровода Туркменистан – Китай – Япония*, известный как Энергетический Шелковый путь. Его мощность должна была составить 30 млрд м³ в год и протяженность 8000 км. В его проектировании принимала участие Китайская нефтяная инженерно-строительная корпорация. Позже к ней присоединилась японская «Мицубиси Корпорейшн» и американская Exxon, руководство которой считало транспортировку газа из Туркменистана в Юго-Восточную Азию более выгодным и надежным вариантом, чем аналогичные поставки из Сибири. Труба должна была стать частью разветвленной газопроводной сети, связывающей Туркменистан, Узбекистан и Казахстан с потребителями в Китае, Южной Корее и Японии.

В августе 1998 года Туркменистан обсуждал данный проект, стоимость которого в тот период оценивалась от 8 до 12 млрд долл. Китайская сторона отмечала, что «туркменский газ необходим активно развивающемуся энергоемкому китайскому рынку». Одним из приоритетов созданной в ходе визита совместной торгово-экономической комиссии было содействие ускорению реализации проекта газопровода. В конце октября 1998 года было закончено ТЭО по этому проекту.

В 1993 году на конференции «Перспективы Евразии как пространства глобальной связи» в Берлине Национальное исследовательское общество трубопроводов Японии

(создано в 1989 году) представило выводы и предложения по проекту Трансазиатского газопровода. В этом документе среди многих предложений вариантов международных маршрутов трубопроводов рассматривался маршрут *газопровода Северо-Восточная Азия и Северный Тихий океан*. Частью этого маршрута был международный *газопровод Туркменистан – Западный Китай – Япония*. Идея этого трубопровода заключалась в том, чтобы газ из Туркменистана снабжал Шанхай и другие прибрежные территории Китая путем строительства трубопровода через газоносные территории Таримского бассейна в Западном Китае. При этом часть природного газа могла экспортироваться в Японию через подводный трубопровод. В тот момент правительство Китая проявило интерес к этому проекту.

Существовал и другой вариант: *газопровод Туркменистан – Узбекистан – Китай и Корейский полуостров*. Стоимость трубопровода составляла 10 млрд долл. при мощности в 18 млрд м³ газа в год.

Тогда проект Туркменистан – Западный Китай – Япония, как и другие масштабные проекты, посчитали нерентабельным из-за низких мировых цен на газ, которые сложились в тот период времени, а также из-за высокой стоимости проекта – порядка 9 млрд долл. В итоге работы были приостановлены. Однако через несколько лет в связи с ростом мировых цен на газ проект снова оказался востребованным. В 2003–2005 годах китайские компании провели на туркменском правобережье Амударьи исследования, которые подтвердили высокую перспективность данной территории [14].

Отношения Китая с Туркменистаном вышли на новый уровень после визита туркменского президента С. Ниязова в Пекин в апреле 2006 года. По результатам состоявшихся переговоров был подписан контракт стоимостью 1,5 млрд долл. на разработку природного газа. По его условиям КННК должна была пробурить 12 разведочных скважин на юго-востоке Туркменистана. В соответствии с соглашением о поставках туркменского газа в Китай планировалось построить магистральный *газопровод Туркменистан – Китай* мощностью 30 млрд м³ газа в год. Общая протяженность крупнейшего в мире газопровода составляла 7 тыс. км, при этом по территории Туркменистана предполагалось проложить 200 км, Узбекистана – 550 км, Казахстана – 1304 км, Китая – более 4860 км. Сырьевой базой для газопровода должны были стать газовые месторождения на площадках правобережья реки Амударьи (Галкыныш (бывшее Южный Иолатань-Осман) и Довлетабад) разрабатываемое на условиях соглашения о разделе продукции. Страны договорились совместно заниматься их разведкой и разработкой. Строительство газопровода началось в 2007 году.

В июле 2007 года Китай подписал с Туркменистаном соглашение о разделе продукции на газовом месторождении Багтыярлык, на правобережье Амударьи. Здесь планировалось добывать 13 млрд м³ газа ежегодно. Остальные 17 млрд м³ газа предполагалось добывать на других месторождениях. Согласно прогнозам, запасы газа на этом месторождении составляют около 1,3 трлн м³.

В августе 2008 года в Пекине прошли переговоры туркменского президента Г. Бердымухамедова с главой КННК, который сообщил, что к концу 2009 года трубопровод будет построен, а его мощность составит не 30 млрд м³ газа, как это планировалось ранее, а 40 млрд м³. В свою очередь туркменский президент предложил Китаю рассмотреть возможность закупки дополнительных 10 млрд м³ газа к ранее предусмотренным межгосударственным соглашением 30 млрд м³.

В июне 2009 года между Туркменистаном и Китаем была достигнута договоренность о предоставлении Пекином кредита в 3 млрд долл. для промышленного освоения месторождения Галкыныш, которое рассматривалось в качестве сырьевой базы для будущих экспортных трубопроводов.

В декабре того же года на месторождении Самандепе, откуда туркменский газ поставляется в Китай состоялась торжественная церемония открытия *газопровода Туркменистан Узбекистан – Казахстан – Китай*. Участие в церемонии приняли главы

Туркменистана, Китая, Казахстана и Узбекистана. На проектную мощность в 40 млрд м³ газопровод должен выйти не раньше 2015 года.

В марте 2006 года «КазМунайГаз» и Китайская национальная нефтяная компания заключили соглашение о строительстве магистрального *газопровода из Казахстана в Китай*, как части газопровода Туркменистан – Китай общей протяженностью 1304 км. Газопровод состоит из двух параллельных трубопроводов диаметром 1067 мм. Казахская часть газопровода берет начало от узбекско-казахстанской границы через Шымкен до Хоргоса, простираясь на 650 км на восток по территории Казахстана и заканчиваясь на казахстанско-китайской границе в районе погранзаставы до Хоргос. Газопровод позволит газифицировать Южный Казахстан. Газопровод состоит из двух участков. Первый, мощностью 40 млрд м³ в год, идет от границы Узбекистана и Казахстана до границы Китая. Второй участок Байнау – Бозой-Кызылорда – Шимкен должен прокачивать 10 млрд м³ в год.

В марте 2008 года «КазТрансГаз» и Trans-Asia Gas Pipeline Limited (дочка КННК) создали совместное предприятие «Азиатский газопровод» для строительства казахстанско-китайского газопровода. Объем инвестиций в его строительство оценивался в 6 млрд долл. В июле 2008 года состоялось официальное открытие строительства газопровода Казахстан – Китай, а уже в июле 2009 года состоялась церемония завершения строительства первой нитки *газопровода Казахстан – Китай*. В эксплуатацию казахстанская часть газопровода *Туркменистан – Китай* была введена в декабре 2009 года с пропускной способностью 4,5 млрд м³ газа в год. Тем самым Казахстан положил начало созданию новой трубопроводной инфраструктуры, которая позволяла ему поставлять на внешний рынок не только нефть, но и природный газ.

Проложив трубопровод через Центральную Азию, Китай нарушил давнюю монополию России на экспорт природного газа и усилил свои позиции в этой прикаспийской стране. Китай взял под инвестиционный контроль освоение крупнейшего в Туркменистане месторождения Южный Йолотань [15].

Введенный в строй «газопровод века», как его называют специалисты, из Туркменистана в Китай должен удовлетворить возрастающие запросы китайской экономики в углеводородном сырье. Столько громкое название газопровода не случайно. Он проложен по тем местам, где когда-то проходил Великий Шелковый путь.

В последние годы Китай усилил свой интерес к углеводородным ресурсам Каспийского региона. Главной темой, обсуждаемой в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в страны Центральной Азии, который состоялся в сентябре 2013 года, стали вопросы дальнейшего расширения энергетического сотрудничества, которое Пекин рассматривает через призму своего текущего экономического развития и реализации долгосрочных интересов. В ходе визита председателя КНР в Казахстан, китайская сторона подкрепила свои устремления соглашениями на сумму в 30 млрд. долларов. [16].

В соответствии с Декларацией о стратегическом партнерстве, подписанной лидерами двух стран стороны договорились углублять взаимодействие, и в первую очередь, в сфере энергетики. Пекин заявил о готовности продолжить участие в энергетических проектах. Прежде всего, в разработке новых месторождений, эксплуатация которых обеспечит увеличение добычи нефти и газа. Отражением возрастающего внимания Китая к каспийским ресурсам стало приобретение Пекином за 5 млрд. долларов доли в нефтегазовом месторождении «Кашаган» (Казахстан), расположенном на шельфе Каспийского моря. Помимо этого КНР обязалась вложить еще больший объем средств в осуществление инфраструктурных проектов.

Мощным аргументом Пекина в продвижении своих интересов стали дешевые кредиты, а также готовность нести дополнительные затраты, прежде всего, связанные с развитием инфраструктуры. Только в последние годы Казахстан получил порядка 20 млрд. долл. в виде кредитов для осуществления энергетических проектов. В итоге, за последнее десятилетие доля Китая в нефтегазовом секторе Казахстана выросла до 25%.

Пекин наращивает усилия по формированию в регионе новой трубопроводной инфраструктуры. Новый кредит, предоставленный Китаем на строительство новой ветки газопровода из Туркменистана, направлен на дальнейшее расширение его присутствия в энергетическом секторе стран Центральной Азии. Данный трубопровод закрепляет поставку газовых ресурсов Центральной Азии в китайском направлении. Первая ветка туркменско-китайского газопровода была сдана в эксплуатацию в 2009 году, запуск третьей планируется в 2014 году. Новая ветка газопровода должна увеличить экспорт газа в Китай на 25 млрд. м³. В результате, мощность трубопровода Туркменистан – Китай должен составить 65 млрд. м³.

Масштабные проекты в сфере добычи и транспортировки углеводородов выступают в качестве инструмента китайской политики в реализации долгосрочных интересов. Пекин рассчитывает установить контроль над природными ресурсами стран региона с целью их последующего интенсивного использования [17].

4 Заключение

Подводя итог, следует отметить, что китайское направление остается приоритетным для Туркменистана и Казахстана в вопросах поставок углеводородных ресурсов [18]. В свою очередь Китай, расширяя сферу своего влияния в прикаспийских странах преследует не только коммерческие, но и геополитические цели, стремясь не допустить внешнеполитической переориентации Астаны и Ашхабада в сторону Запада, а также ограничить влияние западных нефтяных компаний. В Пекине пристально следят за диалогом прикаспийских стран с Западом, который через трубопроводные проекты намерен не только вывести прикаспийские страны из-под влияния России, но и ограничить китайский фактор. В свою очередь китайская политика, которая ограничена восточным берегом Каспия, в решении долгосрочных задач нацелена на интенсификацию казахстанско-китайских и туркменско-китайских отношений в сфере поставок углеводородного сырья [19].

Пока борьба за углеводородные ресурсы прикаспийских стран между западными странами и Китаем внешне проходит бесконфликтно. Однако повышение роли углеводородных ресурсов прикаспийских государств для трубопроводных проектов как ЕС, так и Китая может спровоцировать обострение геополитического соперничества Пекина с западными странами.

Реализация китайской энергетической стратегии, которая осуществляется в последнее время в прикаспийских странах, характеризуется усилением присутствия в перспективных месторождениях. Китай не ограничивается подписанием контрактов на поставку сырья. Пекин стремится заключать соглашения о сотрудничестве в разработке, освоении и совместном владении месторождениями, пытаясь застраховать себя от резких скачков цен на мировом рынке и осуществляя политику диверсификации источников получения энергоресурсов [20].

В последнее десятилетие Китай последовательно наращивал свою долю в энергетическом секторе стран Центральной Азии, в том числе и в Туркменистане, который был заинтересован в привлечении китайских инвестиций. Данная политика отражала геополитические устремления Китая и возрастающие потребности его экономики в дополнительных объемах углеводородного сырья. В этом ключе проводилась и трубопроводная политика Китая, нацеленная на то, чтобы использовать углеводородные ресурсы Туркменистана и Казахстана, а в более широком плане всего региона Центральной Азии для развития китайской экономики [21]. В итоге энергетическая сфера является определяющей в развитии двусторонних торгово-экономических отношений Китая с Туркменистаном, поскольку энергоносители составляют около 80 % поставок из Туркменистана в Китай.

В целом, можно говорить о том, что в ближайшее десятилетие углеводородные ресурсы прикаспийских стран по-прежнему будут оставаться в фокусе внимания Китая. Пекин будет выступать в качестве стратегического тыла по многим позициям – безопасности, энергетике, созданию новых рынков сбыта, получению доступа к источникам сырья и их транзиту на внешние рынки [22].

Литература

1. Жильцов С.С. Конкуренция в сфере экспорта энергоносителей и вопросы региональной безопасности в Центральной Азии /Центральная Азия в условиях геополитической трансформации и

- мирового экономического кризиса: материалы VII Ежегодной конференции (г. Алматы, 9 июня 2009 г.) Казахстанский институт стратегических исследований. 2009. С. 174–178.
2. Демиденко С. КНР и государства Центральной Азии /Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. М.: Красная звезда. 2010. С. 180–200.
 3. Мухамеджанова Д. Влияние Китая на экономику Центральной Азии /Analytic (Казахстан). 2012. № 2. С. 74–82.
 4. Шарипов Э.У. Энергетические ресурсы Каспийского региона и внешние связи Казахстана и Туркменистана в области углеводородов. /Страны СНГ в системе международных отношений. М. МГУПП. 2008. С. 392–413.
 5. Сыроежкин К.Л. Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Т. 1. Алматы, 2010. С. 160.
 6. Там же. С. 164.
 7. Сыроежкин К.Л. Указ. соч. С. 169.
 8. Имангалиев Р.Н. Казахстан в лабиринтах мировой политики. – Казань. – 2008. С. 108-109.
 9. Сыроежкин К. Казахстан и Китай: торгово-экономическое сотрудничество /Analytic (Казахстан). 2009. № 1. С. 42–48
 10. Нагорный Ю. Своповые поставки через Казахстан. Поднебесная становится крупнейшим получателем российской нефти / Деловой Казахстан. 2014. 17 января.
 11. Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы / под общей редакцией К.Л. Сыроежкина. Алматы, 2011. С. 290–298.
 12. Международные отношения в Центральной Азии. События и документы. Под редакцией Богатурова А.Д. 2011. М. Аспект Пресс, 549 с.
 13. Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. М. Наука. 2007. С. 90–98.
 14. Сыроежкин К.Л. Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Т. 2. Алматы, 2010. С. 117.
 15. Мотяшов В.П. Газ и геополитика: шанс России. М. «Книга и бизнес». 2011. С. 188–189.
 16. Нагорный Ю. КНР вкладывает в казахстанскую нефть / Деловой Казахстан. 2013. 13 сентября.
 17. Жильцов С.С. Постсоветское пространство: тенденции развития. М. 2001.
 18. Зонн И.С., Жильцов С.С. Каспийский регион: география, экономика, политика, сотрудничество. М. 2004.
 19. Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийская трубопроводная геополитика. Состояние и реализация. М. 2011.
 20. Фролова И.Ю. Центральная Азия в энергетической стратегии Китая /Центральная Азия: проблемы и перспективы (взгляд из России и Китая): сб. ст.: Российский институт стратегических исследований; Китайская академия современных международных отношений. – М. РИСИ. 2013. С. 125–141.
 21. Жильцов С. Азиатский интеграционный треугольник / Независимая газета. 2013. 10 декабря.
 22. Центральная Азия и Каспийский регион: риски, вызовы, угрозы: коллективная монография / под общей редакцией Б.К. Султанова. Алматы, 2012. С. 68–69.

Basic policies china in the caspian region

*Sergey Sergeevich Zhiltsov, D.-R. of political Science, Professor, Moscow Witte University
Russian University of friendship of peoples*

*Igor Sergeevich Zonn, Dr. of geographical Sciences, academician of RANS, Professor, DirectorThe
Moscow Witte University, INPC «Soyuzvodproekt»*

Increased attention to the hydrocarbon resources of the Caspian region, China began to show before the collapse of the USSR. In that period the interest was limited to the scientific study of the hydrocarbon potential of the Caspian States. After the collapse of the Soviet Union's energy policy China successively passed through several stages: from gaining access to the oil and gas deposits in the region before the construction of export pipelines through which Beijing supplies of hydrocarbon resources. China's policy in the Caspian region has led to significant changes in international relations. The Caspian countries have greatly expanded cooperation with China in energy, by using Chinese investments in the development of oil and gas, as well as implementing pipeline projects, which provide their hydrocarbon resources access to foreign markets.

Keywords: China, pipelines, hydrocarbon resources, energy policy